

К 100-летию со дня рождения классика украинского театра

И. К. Тобилевича (Карпенко-Карого)

На родине драматурга

На каменном памятнике — эпитафия: «Люди умирают, идеи вечны. Сердце твое, наполненное правдой и любовью к родному народу, легко между нами. А дух великий твой будет витать над нами вечно. Когда же незрячие и темные прозреют, тебя в семье своей вольной, новой помянут».

Сюда, к могиле И. К. Тобилевича, ведет широкая, прямая дорога.

Чисто побеленные хаты утопают среди яблонь, вишен, груш. Словно по шнуру, тянутся вербы. Невдалеке — пруд, россыпные дуги... Чудесный светлый уголок!

Хутор Надежда. Трудно сказать сейчас, как возникло это наименование, но с верой в лучшее времена, с мыслью о счастье в будущем жили тут люди. Тут родился и провел свои лучшие дни Иван Карпович. Сюда же друзья привезли и похоронили его останки.

Когда, после трехлетней ссылки, И. К. Тобилевичу не удалось вернуться на сцену, он без колебаний избрал местом для своей творческой работы родной хутор. Неласково, правда, встретил его отец:

— Ну, актер, вернулся! Теперь, Иван, наверное, возьмешься за ум, начнешь хозяйствовать, а нет — на службу. К черту твоё актерство!

Трудно было старику примириться с мыслью о том, что он не увидит своих детей богатыми хозяевами или важными чиновниками. Они все пошли на сцену!

Не послушался Иван Карпович отцовских советов, не взялся за хозяйство. Словами Степана из «Мартына Борули» он ответил:

— Я, папенька, уже не служу...

Хутор Надежда сыграл особую роль в жизни драматурга. Тут он мог полностью отдаться литературному труду. Пользуясь конкретными фактами окружающей его жизни, создавал он свои яркие реалистические произведения. Именно на хуторе было написано большинство его пьес. В «Мартыне Боруле» он высмеял тщетные попытки отца вернуть утраченное дворянство.

Местные типы послужили прообразами Герасима Калитки и Бенавентуры Копача из «Ста тысяч». С натуры списывались Обунь, Пузырь, Лихтаренко — образы, вошедшие в сокровищницу украинской литературы.

Хутор служил для Карпенко-Карого источником вдохновения, приютом для творческого труда. Поступив на сцену, он в летние месяцы обязательно приезжал сюда, чтобы создавать новые пьесы, черпая материал для них в самой гуще народной.

Хорошо помнит драматурга 80-летний Илларион Флоренко.

— Иван Карпович гулял у меня на свадьбе, — не без гордости рассказывает старик. — Ох, какие шутки отшучивал, какие песни пел! А как скажет что — прямо в точку бьет. Не любил соседств-миродов, не ладил с отцом, тянувшимся к знатности. Всегда говорил, что наступит хорошие времена, люди будут жить, не зная горя и нужды. Слава богу, пришла такая пора, оправдались слова нашего земляка.

По-иному живет теперь хутор Надежда. Стали явью вековые надежды людей. Труд их на благо народа, во имя Родины стал радостным праздником. И чтобы сделать жизнь еще лучше и краше, они не жалеют своих сил.

Внук Ивана Карповича — Андрей Тобилевич — прошел славный боевой путь от Сталинграда до Булашета. Скоро вся колхозная семья будет встречать его на родном хуторе. Другой внук — Зорий — инженер-химик. В Красной Армии добровольцем служит внучка Галина.

В родовой хате Тобилевичей живут сейчас правнук и правнучка Ивана Карповича — Юрий и Наталья со своей матерью — Евдокией Тобилевич. Юрий работает трактористом, а Наташа — у него прицепщицей. Спорится у них работа, на одно из первых мест по машинно-тракторной станции вышли они в нынешнем году!

В эти дни в хате бывает особенно много: приходят односельчане, приезжают из соседних районов колхозники, учителя, бывают писатели, артисты, воины Красной Армии. И каждый не преминет навестить могилу, чтобы принести дань уважения и любви могучему таланту, почтить светлую память корифея украинского театра.

Д. КУЛИК.

(Корр. «Правды Украины»).

Хутор Надежда,
В. Висковского района,
Кировоградской области.

И. К. Тобилевич и наши дни

Своеобразна история украинского театра, необычна и судьба его драматургов. В народном творчестве, в народных образах и играх изобильны россыпи театральности. В школьной драме XVII—XVIII веков, сочинявшейся и исполнявшейся бурсаками-студентами и их наставниками, то и дело видны проблески подлинного театрального мастерства. Еще заметней они в комических антрактах старинной драмы, интермедиях, из которых мы знаем лишь малую часть и почти вовсе не знаем тех импровизированных представлений, которыми странствующие школяры старой Украины потешали мещан и посполитых людей своего времени.

К XIX веку от всех этих многообещающих входов осталась, как пережиток, лишь кукольная драма «Вертеп», постепенно законсервировавшаяся и разобщившаяся с живой жизнью. Украинской драмы не существовало до тех пор, пока на голом пустыре не вырос первый цветочек — бессмертная и до наших дней «Наталка Полтавка».

Она дала толчок, но в течение многих десятилетий драматическая литература на Украине была явлением эпизодическим. Театральным искусством занимались любительские кружки. Они почти замерли к концу 70-х годов, и казалось, что украинский театр умер. Умер, почти не начав жить.

И вдруг, в это самое время театральный гений украинского народа бурно вырвался наружу, засверкав созвездием замечательных актерских дарований, изумив репертуарную плодотворностью, отыскав благодарного и восторженного зрителя.

Это было почти чудом — явление Кропивницкого, Саксаганьского, Садовского, Заньковецкой, Карпенко-Карого и других. Новый репертуар рождался не в книгах, не на страницах журналов, не в кабинетах писателей, а в процессе самой театральной практики, с постоянной мыслью о сценическом воплощении текста. Но создателей его вдохновляла больше всего (мы это знаем теперь из их переписки) высокая патристическая идея: они чувствовали себя «защитниками прав человека, защитниками прав и вольностей украинского народа».

Имя Карпенко-Карого — славное имя И. К. Тобилевича — навсегда связано с украинским театральным ренессансом конца XIX века. Все то доброе, чем мы можем помянуть тот театр, все это относится и к Тобилевичу.

Необычайно труден был, как мы знаем, жизненный и художественный путь Тобилевича, начиная с юных его лет: школа, о которой он сам впоследствии рассказывал так, что слушатели не знали, смеяться им или плакать; служба в писарях у станового пристава, в секретарях полицейского управления... Молодой актер Карпенко-Карый дебютировал в театре, который представлял собой балаган, сбитый из досок и освещавшийся внутри салными свечами. Таков был его «Бургонский Отель», его «Глобус». Не Лондон и не Париж, а уездный Елизаветград был родиной его дарования. Но и от этой родины судьба его оторвала сурово и надолго.

У ворот дома, где создавались пьесы, составившие впоследствии эпоху в истории украинской драмы, висела табличка: «Переплетчик Иван Тобилевич, работа исполняется чисто и аккуратно». Переплетное дело было сущим отдыхом после кузнечного ремесла, с которого пришлось начать в Новочеркаске административно-высланным за пределы Украины «неблагонадежному» Тобилевичу.

Театр был его университетом; Котляревский, Островский, Шекспир, Шиллер,

украинский фольклор, знаменитый американский трагик Олдридж — были его учителями. Но у него не было прямых предшественников, у него был свой художественный идеал — драматургия большого общественного значения; но путь к нему приходилось пролагать по целине, почти нетронутой. Препятствия вырастали на

относится не ко всем пьесам. Актер иногда побеждал драматурга: получался фарс вроде «Паливоди XVIII столетия» или мелодрама вроде «Бондарьни», по силе много уступающей знаменитой народной балладе. Но, рядом с ними, в наследии Тобилевича имеются такие произведения, как «Сто тысяч», «Хазяїн», как «Сава Чалий».

Никогда до Тобилевича на украинской сцене с такой потрясающей яркостью не было раскрыто страшное опустошение, которое производит в человеческой душе разнужданный инстинкт частной собственности. Герасим Калитка (из пьесы «Сто тысяч») такой же страшный, по существу, образ, как щедринские Колупаевы и Разумовы.

Пьеса названа комедией. Но развязка ее в еще меньшей мере комедийна, чем, например, развязка «Недоросля». «Вот злонаравия достойные плоды!» — восклицает Фонвизин устами одного из своих положительных лиц. Комедия «Сто тысяч» кончается самоубийством Калитки: самоубийство не удалось, его вынули из петли, привели в чувство, но этот, почти побывавший «на том свете», человек, остается неисправимым. Никакая катастрофа не

каждом шагу. Преодолевая их, нужно было тратить много сил на всякие ухищрения.

В этой неравной борьбе провинциального актера, «малороссийского» литератора, бывшего сыщика против могущественных помпадуров царских времен победителем оказался Тобилевич. Ему принадлежало будущее. Великолепная сценичность его пьес, неизменный пафос борьбы за справедливый, чуждый эксплуатации, основанный на уважении к личности общественный строй сделали его драматургию нерушимым памятником украинского искусства.

Через шестьдесят с лишним лет после написания Тобилевичем первой его пьесы украинский театр, как и вся украинская культура, быстрыми шагами прошел громадный путь. Мы не пнем и охраняем памятники прошлого, но живая жизнь нам дороже всех памятников.

Только ли одного поминания заслуживает Тобилевич или этот великий покойник в какой-то мере жив и в наше, столь несхожее с его современностью, время?

Люди театра сразу ответят на этот вопрос, хоть ответ их может быть односторонним. Хорошая работа всегда сохраняет цену хотя бы как школа техники. Пьесы Тобилевича почти всегда отлично сделаны с точки зрения театрального искусства. Вот у них учиться некоторым нашим драматургам спешивости положений, искусству диалога, уменью создавать роли. У Тобилевича нет пустых ролей, «немых» персонажей. Какое-нибудь эпизодическое лицо, вроде старого болтуна Протасия в «Мартыне Боруле» или унтер-офицера Тараса Гупаленка в «Суете», играет живыми красками, требует игры от исполнителя.

Но такой подход к Тобилевичу был бы узко профессиональным. Наше время требует не просто хорошего, а большого искусства. А большое искусство — это искусство, проникнутое высокими интересами народа, служащее народу, отображающее борьбу масс за социализм, за еще лучшее будущее. В наших предках мы ищем предшественников нашей великой эпохи.

Пьесы Тобилевича, такие простые и общедоступные, ставят большие проблемы, не утратившие в значительной мере своей актуальности и ныне. Конечно, это

заставит его забыть, что 250 лет назад панка Смоквинова от него ушли. «Прошла земля Смоквинова! Лучше смерть, чем такая потеря!» Вот итог всей жизненной философии Калитки.

Другого рода трагедию разворачивает перед нами пьеса «Сава Чалий». Значение этого произведения Тобилевича от «испытания временем» значительно выросло и расширилось. Слываясь себя защитником порабожденной народной массы, Сава Чалий, «в интересах своего народа», пошел на временный (как он думает) компромисс с врагами народа. Но измена и предательство отравляют совесть, разрушают душу, кладут печать проклятия на человека.

— На поединок с нами у тебя нет права, потому что потерял ты казакскую честь, — говорит Чалому Гнат Голый, представитель народной массы, убивая своего бывшего соратника. Тобилевич не мог предвидеть времени, когда украинский народ скажет то же самое претелям, пошедшим на установление союза со злейшими врагами Украины, рабочим и крестьянам, со всяческой контрреволюцией. Но в избранной им исторической теме он почувствовал и художественно раскрыл нечто, присущее не только определенной эпохе: верную на все времена развязку неправого пути.

Образы, создаваемые большим искусством, приобретают значение символов, способны жить и за пределами времени и условий, которые их создавали. Создавать такие образы может только тот, для кого служение искусству неразрывно со служением обществу. В одном из своих писем к Садовскому по поводу возникших в коллективе разногласий Тобилевич писал: «Театр есть великое общественное дело, и служить ему нельзя иначе, как забывая личные разногласия. Великая честь будет нам, если мы сумеем забыть себя ради общественных интересов».

— Забыть себя для общественных интересов — этот завет Тобилевича остается живым и волнующим и в наши дни. Гак, являясь деятелем, памятным в истории украинского театра и драмы, Тобилевич высказывал мысли, многие из которых и ныне встречают живой отклик в сердцах советских людей.

А. БЕЛЕЦКИЙ.
Действительный член Академии наук УССР.

„На благородной высоте жизненных задач“

(из писем И. К. Тобилевича, к сыну)

«...не забывай никогда высоких идеалов. Программа идеалов безгранична, но тот, кто хоть небольшую часть этих идеалов носит в своей душе, бережет их, как святыню, и по мере сил выполняет, тот только имеет удовлетворение, ибо только бесконечно прекрасное в жизни трудно достичь, а потому труд на пользу прекрасного без края и вечно держит человека на благородной высоте жизненных задач».

«26 февраля мы в тесном кругу русских отмечали 40 годовщину со дня смерти Т. Г.

Шевченко. Обедали. На обеде зародилась мысль послать Л. Н. Толстому приветствие...»

Приветствие написали, и в числе трех депутатов выбрали и меня ответи приветствие Л. Н. И вот я нежданно-негаданно был у этого великого человека.

Принял он нас ласково, просто... Когда к нему войдешь, то чувствуешь себя, как дома, точно сто лет его знаешь, и уходить не хочется. После этой охапки послал Л. Н. свои все напечатанные драмы и комедии,

написав: «Дорогому сердцу моему Л. Н. Толстому».

Стар уже он, согбен, но ясные глаза и гармоничный голос свидетельствуют о молодой душе» ***

«Литературный мой труд, хоть, может быть, он и не очень хорош, все же... может оказаться полезным... Нужно не терять времени и ежедневно делать то, что по силе... Я так и стараюсь поступать, и сумма суммаром моего труда, хоть и невелика она, должна меня удовлетворить, так как многие люди и того не делают...»

Слово соратника

В изучении жизни выдающихся людей книги их соратников оказывают нам неоценимую услугу. Связь хаоса противоречивых суждений, ложных данных, а иногда и преувеличенных похвал доносится до нас их ровный, уверенный голос, голос друга и современника. Они рассказывают нам о тех, кто трудами своими завоевал право на всенародную любовь.

Значение выпущенных издательством «Мистецтво» мемуаров С. В. Тобилевича¹⁾ — спутники жизни выдающегося классика украинского драматургии И. К.

Тобилевича, о его библиотеке, о его увлечении русской революционно-демократической литературой. Кто рассказав бы нам о годах ссылки в Новочеркаске, о житейских трудностях, которые мужественно побеждал И. Тобилевич?

Было бы напрасным трудом перечислять все то новое, важное, ценное, что сообщила читателям и исследователям София Витальевна Тобилевич. Проще прочесть ее вдохновенный и поэтический труд, ценность которого неизмеримо возрастает благодаря высокой культуре яв-

не оставляя в тени ни одной значительной и важной черты. Перед нами возникают колоритные фигуры отца и матери драматурга, картины детства, провинциальной школы, образы окружавших его людей, уездной и чиновничьей братии, характер театральных представлений тех времен. Даже то, что написано по семейным преданиям и хроникам, по случайным рассказам самого писателя, не любившего говорить о себе, то, что только воспроизведено воображением С. В. Тобилевича, — исполнено с исключительной добросовестностью, поверяется документами и реальными фактами. С. В. Тобилевич не спешит, не торопится прийти к то-

Автор книги — С. В. Тобилевич была не только внимательным, любящим другом, но только верным спутником и единомышленником, делившим с выдающимся писателем горе и радость тяжелой трудовой жизни. — Она была также высказательным и вдохновенным художником, с успехом пробавившим свои силы на поприще литературы. Скромная хористка труппы М. Старицкого, отожавшаяся разделить с Тобилевичем трудности многолетней ссылки, нашедшая в его лице друга и защитника от волнений «жизненного моря», рядом с ним она вырастала как личность, как художник, проникаясь его высокими идеалами.

Хутор Належа,
В. Висковского района,
Кировоградской области.

(Корр. «Правда Украины»)

ной высоте жизненных задач».
«26 февраля мы в тесном кругу русских
отмечали 40 годовщину со дня смерти Т. Г.

ему сохранил, то представлял собой как до-
ма, точно сто лет его знаешь, и уходить не
хочется. После этой оказии послал Л. Н.
свои все напечатанные драмы и комедии,

лам... Я так стараюсь поступать, и сум-
ма суммарум моего труда, хоть и невелика
она, должна меня удовлетворить, так как
многие люди и того не делают...»

Слово соратника

В изучении жизни выдающихся людей книги их соратников оказывают нам неоценимую услугу. Сквозь хаос противоречивых суждений, ложных догадок, а иногда и преувеличенных похвал доносится до нас их ровный, уверенный голос, голос друга и современника. Они рассказывают нам о тех, кто трудами своими завоевал право на всенародную любовь.

Значение выпущенных издательством «Мистецтво» мемуаров С. В. Тобилича¹⁾ — спутницы жизни выдающегося классика украинской драматургии И. К. Тобилича (Карпенко-Карого) — тем более велико, что эта работа является единственным достоверным источником его биографии. Самые тщательные розыски не обнаружат теперь ничего, кроме небольших журнальных и газетных заметок, некрологов или случайных сведений биографического характера. Если бы эти мемуары не были написаны, мы бы никогда не узнали многих очень важных подробностей жизни, деятельности драматурга. Мы с трудом составили бы себе представление об окружавших его людях в пору его службы в Бобринецкой ратуше или в Елисаветграде. Мы почти ничего не смогли бы сказать о любимых писателях То-

билича, о его библиотеке, о его увлечении русской революционно-демократической литературой. Кто рассказал бы нам о годах ссылки в Новочеркаске, о житейских трудностях, которые мужественно побеждал И. Тобилич?

Было бы напрасным трудом перечислять все то новое, важное, ценное, что сообщила читателям и исследователям София Витальевна Тобилич. Проще прочесть ее вдохновенный и поэтический труд, ценность которого неизмеримо возрастает благодаря высокой культуре автора и достоверности всего фактического материала книги. Почти все, о чем пишет С. В. Тобилич, она сообщает впервые, не компилируя, а вспоминая, обращаясь к фактам, семейным бумагам и театральным документам. Для биографов Тобилича и исследователей его творчества мемуары С. В. Тобилича давно уже стали источником первостепенной важности, точнее говоря, единственным обширным и до конца добросовестным источником.

Мемуары С. В. Тобилича впервые изданы отдельной книгой. Она приятно оформлена и внимательно отредактирована. Это позволяет лучше оценить цельный, законченный характер работы С. В. Тобилича, ее незаурядные литературные достоинства. Любопытно перечислять она страницы жизни выдающегося писателя,

не оставляя в тени ни одной значительной и важной черты. Перед нами возникают колоритные фигуры отца и матери драматурга, картины детства, провинциальной школы, образы окружавших его людей, уездной и чиновничьей братии, характер театральные представлений тех времен. Даже то, что написано по семейным преданиям и хроникам, по случайным рассказам самого писателя, не любившего говорить о себе, то, что только воспроизведено воображением С. В. Тобилича, — исполнено с исключительной добросовестностью, поверяется документами и реальными фактами. С. В. Тобилич не спешит, не торопится прийти к тому месту, где ее жизнь сплетается с жизнью драматурга и становится ее необходимой частицей. Больше половины книги посвящено жизни Тобилича до ссылки в Новочеркаск.

Это свидетельство не только редкого такта автора мемуаров, но и высокого сознания того, что она ведет правдивый рассказ о жизни и творчестве выдающегося писателя.

Известно, что жизненные факты, наблюдения, происшествия в большом количестве вошли в пьесы И. Тобилича, соответственно претворенные его талантом. Поэтому многочисленные биографические подробности и красочные детали интересны не только как штрихи широкой картины жизни драматурга, но и как непосредственный материал для изучения его драм и комедий.

Автор книги — С. В. Тобилича была не только внимательным, любящим другом, но только верным спутником и единомышленником, делившим с выдающимся писателем горе и радость тяжелой трудовой жизни, — она была также взбалтывающим и вдохновенным художником, с успехом пробовавшим свои силы на поприще литературы. Скромная хористка труппы М. Старицкого, отважившаяся разделить с Тобиличем трудности многолетней ссылки, нашедшая в его лице друга и защитника от волнений «житейского моря», рядом с ним она вырастала как личность, как художник, проникаясь его высокими идеалами.

Поэтому книга С. В. Тобилича — не сухой, бесстрастный рассказ, не скучная быль, а поэтическая повесть о жизни человека с горячим сердцем, ясным взором и твердой верой в лучшее будущее украинского народа. Это повесть проглатываемая и возвышенная, искренняя и умная.

Она широка по материалу, благородна по тону, правдива и ненавязчива по выводам. Она напоминает эпическую широту и достоверность поэтической кобзарской думы. Исследователи дополняют эту работу, может быть, исправят незначительные даты и некоторые оценки. Но первичным источником навсегда останется слово С. В. Тобилича, правдивое слово спутника.

А. БОРЩАГОВСКИЙ.

¹⁾ С. В. Тобилича. «Життя Івана Тобилича (Карпенко-Карого)». «Мистецтво», г. Киев, стр. 284, под ред. П. Падалки. 1945 г.